# Лекцией митрополита Илариона об отношениях с католичеством и протестантизмом в МИФИ продолжился спецкурс «История христианской мысли»



В продолжение спецкурса «История христианской мысли» 1 октября 2013 года в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ лекцию о разделениях в христианском мире и различиях в вероучении между христианскими конфессиями прочел митрополит Волоколамский Иларион, глава Отдела внешних церковных связей, председатель Синодальной библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры, заведующий кафедрой теологии МИФИ.

Слушателями лекции стали ректор университета М.Н. Стриханов, проректоры и деканы вуза, преподаватели и студенты.

Предварил ее показ пятого фильма из документального цикла митрополита Илариона «Церковь в

истории».  В нем повествуется о случившемся в XI веке расколе между Римом и Константинополем, последствия которого христианский мир испытывает до сих пор.

Затем владыка Иларион рассказал слушателям об основных различиях между Православием, католицизмом и протестантизмом. Чтобы понять всю значимость произошедшего в XI веке события для истории христианства, нужно вспомнить об эпохе Вселенских Соборов, о догматах, о Символе веры, отметил архипастырь:

> «Символ веры – это краткое изложение всех основных догматов, то есть вероучительных истин христианской Церкви. Он читался как присяга каждым человеком, который приходил к Таинству крещения, причем крещение в те времена воспринималось не как малозначащий ритуал, как это часто, к сожалению, бывает в наше время. Многие приходили к крещению в сознательном возрасте, и этому предшествовало оглашение: люди приходили в церковь, встречались со священником или епископом, и он объяснял им основные истины христианской веры. Как правило, эти огласительные беседы строились в форме толкований на Символ веры. И Символ веры в итоге зачитывался самим крещаемым в момент Таинства крещения.
>
> Естественно, что слова Символа веры были отточены на протяжении веков. Они были приняты на одном Вселенском Соборе, дополнены на другом Вселенском Соборе, и предположить, что в эти слова можно внести хотя бы какое-то дополнение или изменение, было совершенно невозможно. Поэтому та добавка, которая появилась на Западе, – а появилась она не внезапно, но в результате определенного развития богословской мысли – на Востоке была воспринята с недоверием.
>
> Нужно также помнить, что вселенская Церковь (какой она сложилась, по крайней мере, к IV веку) была Церковью с очень многими различными традициями. Во всей Церкви были одни и те же Таинства – например, крещение, через которое начинается христианская жизнь, и Таинство Евхаристии, которое скрепляет все тело Церкви по всему миру в единый церковный организм, – но обычаи, обряды, связанные с совершением этих Таинств, были различными. Были, например, разные обычаи соблюдения поста: на Востоке было больше постных дней, чем в западной Церкви, и постились там более строго. Существовало много других обрядовых различий, и на протяжении тысячи лет они не мешали христианам ощущать себя единым церковным организмом, распространившимся по всему миру. Наверное, эти обрядовые различия могли сохраняться и дальше в лоне единой Церкви, если бы не случилось то несчастное стечение обстоятельств, которое привело к расколу XI века.

Вы должны знать, что до великого раскола XI века в истории Церкви был еще один раскол. Он произошел в V веке после Халкидонского (IV Вселенского) Собора. В этот момент произошло разделение между, с одной стороны, Церковью Константинопольской, Иерусалимской, Антиохийской и, с другой стороны – Церквами Коптской и Армянской. И это разделение существует до сих пор. То есть когда мы говорим о Православной Церкви, то имеем в виду сообщество Поместных Православных Церквей – так, как оно сегодня существует, – и не включаем в него Армянскую Церковь, Коптскую Церковь и еще несколько Церквей Ближнего Востока, а также Африки и Индии. Эти Церкви мы называем Древними Восточными Церквами, хотя они сами себя называют православными. Мы относимся к ним с уважением, но между нами нет евхаристического общения.

Что такое евхаристическое общение? Как я неоднократно говорил в своих лекциях, признаком единства Церкви, признаком пребывания людей внутри одного церковного организма является возможность для них вместе совершать Евхаристию, вместе причащаться от единого Хлеба и от единой Чаши. Там, где нарушается церковное единство, нарушается и единство Евхаристии, то есть всякий серьезный разрыв в жизни Церкви сопровождался разрывом того, что мы называем евхаристическим общением. Иначе говоря, православные и армяне могут друг друга уважать, могут друг друга любить, более того – они взаимно признают крещение друг друга, но они не могут участвовать в Евхаристии друг у друга. То есть, например, я как православный христианин не могу причащаться в армянском храме, а христианин – член Армянской Церкви – не должен причащаться в православном храме.

Возвращаясь к теме раскола XI века, о котором говорилось в только что показанном фильме, надо отметить, что это был раскол между двумя местными Церквами – Константинопольской и Римской. Но Римскую Церковь как местную воспринимали только на православном Востоке. А сама Римская Церковь постепенно, на протяжении веков выработала учение, согласно которому она является Вселенской Церковью и все другие Церкви должны как бы входить в ее орбиту, а все Патриархи – подчиняться Римскому Папе. Учение о первенстве Римского Папы, по сути дела, и явилось главной причиной разрыва между православными и католиками, – не филиокве (filioque), то есть учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, а именно учение о первенстве Папы и вытекавшие из него последствия.

Исторически сложилось так, что Церковь на Востоке и на Западе развивалась разными путями. На востоке, как мы видели в фильме, всегда была сильна власть Константинопольского императора, который по факту своей большой власти, а также в связи с тем, что он был церковным человеком и членом Церкви, нередко напрямую

вмешивался в церковные дела. По сути дела, во многих случаях он реально управлял Церковью. Он мог позволить себе назначить то или иное лицо на Патриарший престол, сместить Патриарха, если тот был ему неугоден, назначить нового и т.д.

Исторически на Востоке сложилось несколько центров церковной власти, из которых после эпохи арабского нашествия сильным оставался только один – это Константинополь, а древние Патриархаты – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский – после арабского нашествия утратили свое могущество. На Западе же происходила постепенная децентрализация гражданской власти, и в конце концов власть императора священной Римской империи, которая формально была перенесена в Константинополь, реально оказалась в руках франкского короля, которого короновал Папа. У самого же Папы Римского, помимо власти духовной, в руках сконцентрировалась еще и очень большая политическая власть, почему он был не просто духовным главой Западной Церкви, но еще и мирским правителем: у него были земли, рабы и войска. И нередко Папы вели войны, а иной раз даже сами садились на коня и брали в руки оружие.

Разница ситуаций, которые сложились на Востоке и на Западе, предопределила разрыв, который произошел в XI веке по политическим причинам. Мы с вами слышали сейчас цитаты из полемической литературы – как друг о друге писали православные и католики. Конечно, сейчас мы можем посмеяться над приводившимися тогда аргументами, когда, например, православные говорили о том, что католики еретики, потому что они употребляют в пищу мясо бобра, в том числе его хвост, или пьют свою мочу. Но вот такой был тогда уровень полемики и такой был уровень агрессии, возникшей между двумя крупными христианскими сообществами. Причем, к сожалению для истории христианства, это противостояние между Востоком и Западом сохранялось на протяжении более 900 лет. В углубление этого противостояния внесли свой вклад и крестовые походы, и политика унии, и, конечно, все возраставшее отчуждение между Востоком и Западом.

Что такое уния? Это такая политика Рима, которая предполагала, что православные могут сохранить свою внешнюю обрядовую сторону, но при этом признать главенство Папы и католические догматы. В течение истории несколько раз Католическая Церковь пыталась навязать унию православным; происходило это в разных странах и с разным успехом. И до сих пор существует Греко-Католическая церковь, которую мы называем униатской (сами себя греко-католики так не называют), которая сохраняет восточный обряд, то есть по внешней видимости является как бы православной, но находится в составе Католической Церкви. За богослужением там поминается Папа, и по своему вероучению они являются католиками.

Этот антагонизм между Востоком и Западом, как я уже сказал, сохранялся на протяжении девяти веков. Что это означало для православных и католиков? Прежде всего, они воспринимали друг друга как врагов, а на миссионерском поле – как соперников, а не союзников. Когда, например, в начале XIX века один католический архиепископ из Франции оказался в Москве и посещал соборы Московского Кремля, ему были предложены для поклонения находящиеся там мощи святых. Он прошел мимо этих мощей и даже не перекрестился. Когда по выходе из собора его спросили: «А почему Вы не поклонились иконам, мощам святых?», – тот сказал: «Не могу же я поклоняться святыням вашей схизматической (то есть раскольнической, отступнической) церкви».

Конечно, этот антагонизм сохранялся и на бытовом, и на личном, и на политическом уровнях. Получилось так, что некоторые государства приняли в качестве государственной религии православную веру, а некоторые – католическую. И если православное население оказывалось в католических странах, оно, как правило, подвергалось разнообразным гонениям вплоть до физического уничтожения.

Нужно еще сказать о том, что на официальном уровне между руководством Церквей (за исключением тех случаев, когда созывались соборы для принятия унии, как это было в середине XV века во Флоренции и Ферраре) практически контактов не было. Не было взаимных визитов, встреч, диспутов и переписки. То есть два мира оказались разделенными, и христиане Востока и Запада находились по разные стороны баррикад.

В западной Церкви происходили свои внутренние процессы и свои дальнейшие расколы. В этом отношении очень важным для истории западной Церкви является XVI век, когда произошло сразу два крупных раскола: это протестантское движение и появление протестантской церкви, и англиканское движение и появление Англиканской Церкви.

Что такое протестантизм и откуда он появился? Родоначальниками его являются несколько людей в разных странах Европы. Но, пожалуй, самым главным из них и тем, с кого, собственно, все началось, является католический монах Мартин Лютер. В 1517 году он прибил к дверям собора в Виттенберге тезисы, в которых выступал против различных нарушений, с его точки зрения, в Римско-Католической Церкви. А нарушений было много, они были связаны, в том числе, и с тем, что Римские Папы. помимо власти духовной, обладали властью светской. Эта власть нередко приводила их к различным злоупотреблениям, а также к безнравственному образу жизни. Может быть, некоторые из вас смотрели сериал «Борджиа», рассказывающий о том, как Католическая Церковь жила на определенном этапе своего развития, когда во главе папского трона встало семейство Борджиа – людей весьма развращенных, далеких от христианских идеалов; тогда на

папском престоле и вокруг него творились всякие беззакония.

Все это было достаточно хорошо известно, и внутри Католической Церкви начало созревать протестное движение. Причем мы должны понимать одну очень важную вещь: это движение изначально не было стремлением сделать Церковь более либеральной. Наоборот, это было движение за очищение Церкви от мирского влияния и за возвращение к апостольским временам. Мартин Лютер именно под этим знаменем начал собирать вокруг себя людей. Но помимо чисто богословских воззрений, которые он проповедовал, он начал создавать и определенную культуру, в том числе литургическую, которая оказалась близкой для очень многих людей.

Что я имею в виду? На протяжении многих веков, вплоть до середины XX столетия, богослужение в Католической Церкви совершалось почти исключительно на латинском языке вне зависимости от того, в какой стране служили священники. Уже ко временам Реформации простые люди перестали понимать латынь, и это было серьезным препятствием для того, чтобы они понимали богослужение, активно и сознательно в нем участвовали. Так вот, одной из реформ, которую инициировал Лютер, было обращение к национальному языку как языку, на котором возможно совершать богослужение.

В это время в Католической Церкви трудились композиторы, писавшие очень сложную для понимания полифоническую музыку, где хор пел на много голосов, которые вступали в разное время, мелодические линии перекликались, и все это исполнялось на латинском языке. Это было очень красиво с эстетической точки зрения, и до сих пор произведения средневековых католических композиторов, композиторов ранней эпохи Возрождения звучат на концертах. Но люди не могли понимать эту музыку и звучавшие в песнопениях слова.

Лютер начал писать на обычном немецком крестьянском языке простые и доступные для понимания стихи, которые он (или те композиторы, которые на него работали) клал на музыку. И очень быстро при помощи этих песен, которые приобрели чрезвычайную популярность (назывались они хоралами), Лютер завоевал практически половину Европы. Протестное протестантское движение охватило очень многие страны и пустило в них глубокие корни. Для европейского христианства, начиная с XVI века, эта эпоха стала временем внутреннего раскола. Причем, как это бывает со стеклом, которое разбили молотком, оно не просто разделилось на 2-3 части, но каждая из этих частей потом имеет тенденцию раскалываться дальше.

Точно так же произошло с протестантским движением. Протестантизм начал

раскалываться. Создавались новые и новые церкви, все более мелкие. В каждой стране эти церкви могли объединяться в какие-то группы или, наоборот, опять дробиться. Это движение охватило весь европейский континент.

Кроме того, в XVI веке возник еще один раскол: появилось так называемое англиканское движение. Оно имело своими причинами совсем не богословские аргументы, даже не вопросы церковно-прикладного характера. Просто произошло так, что английский король Генрих VIII, не получив от Папы разрешения на вступление в очередной брак, решил отделить английскую Церковь от Римского престола и объявил себя главой этой Церкви. С этого момента началось англиканское движение, которое очень долго не имело каких-либо ярко выраженных богословских или литургических особенностей: католики и англикане совершали очень похожее богослужение, учение у них было схожим. И только в XIX веке англиканство постепенно начало сближаться с протестантизмом. Сегодня англикане уже стоят гораздо ближе к протестантам, чем к католикам.

Помимо того, что существовало различие с православными в богословских вопросах (как, например, в учении о филиокве), на Западе продолжала, в том числе и в противовес протестантизму, укрепляться и возрастать власть Папы, который приобретал все больший авторитет. Причем авторитет он приобретал не только вследствие военно-политических успехов, но и благодаря деятельности богословов, которая была направлена на придание этому авторитету особого сакрального характера.

В результате этого очень длительного развития в середине XIX века на Первом Ватиканском Соборе был принят догмат о непогрешимости или, если более точно перевести с латыни употребленное в данном определении слово «Infallibilitas», безошибочности Папы. Согласно этому догмату, Римский Папа, когда говорит «ex cathedra», то есть с высоты своего Папского престола, и излагает учение Церкви, является безошибочным (непогрешимым). На практике это означает, что Римского Папу никто не может оспорить и что его власть признается более высокой, чем власть Собора епископов.

На христианском Востоке сохранялось и до сих пор сохраняется система, которую мы на сегодняшнем языке могли бы назвать демократической и выборной. Каждый епископ является лицом выборным – он избирается на свое служение, и архипастыри вместе в одной конкретной области составляют Собор епископов. Причем каждый из них выражает не свое мнение, а является как бы делегатом от своей епархии, прихожан и священников. Так вот, на земном уровне высшей властью в Православной Церкви является Собор епископов. Если вас кто-нибудь спросит: «Какая высшая власть в Русской Православной Церкви?», никогда не говорите, что это Патриарх; высшей властью в Русской

Православной Церкви обладает Архиерейский Собор или Поместный Собор.

Архиерейский Собор – это собрание всех епископов Церкви, Поместный же – собрание всех епископов, к которым еще добавляются представители духовенства, монашества и мирян. Эти два Собора обладают в Русской Церкви высшей властью. Они избирают Патриарха, и Патриарх вместе со Священным Синодом подотчетен Архиерейскому Собору.

Такая система с теми или иными модификациями существует во всех Православных Церквах, то есть в каждой Православной Церкви есть некий Глава – человек, который является первым среди епископов (он носит название либо Патриарха, либо Митрополита, либо Архиепископа), и есть Собор епископов. Патриарх подотчетен Собору епископов. Если епископы захотят Патриарха снять, они могут это сделать общим голосованием. В Католической Церкви это практически невозможно, потому что в ней любой собор епископов имеет только совещательный голос, но не принимает решения, – это отнесено к ведению Папы. Так, например, было со Вторым Ватиканским Собором уже в XX веке: епископы обсуждали разные вопросы, принимали документы, различные заявления, но решения вступали в силу только после того, как их утверждал Папа своей подписью. Если нет подписи Папы, значит, решение не вступает в силу. Более того, если епископы принимают какое-то решение, а Папа говорит, что он против, значит, это решение становится недействительным.

Получается, что существуют как бы две модели церковного устройства. С одной стороны, есть модель, которую мы называем соборной, когда решения принимаются большинством голосов епископов как наследников апостолов, носителей церковной власти и гарантов чистоты церковного учения. Когда спрашивают, кто является в Православной Церкви гарантом чистоты учения, гарантом Православия, ответ один: таким гарантом является никто иной, как православный народ. Сами люди сохраняют свою веру, и механизмом ее защиты становится соборный разум Церкви, который выражен через голос епископов.

В Католической Церкви существует другая система: в ней главным источником власти является не Собор, а Папа, и каждый епископ, который назначается на то или иное служение, получает мандат от Папы, то есть является его представителем. Соответственно, любой католический архиепископ, будь то в Австрии, Германии, Франции, России, где бы то ни было, имеет власть постольку, поскольку получил ее от Папы. Римский Папа является для католиков гарантом передачи власти и ее легитимности. Поэтому если, например, где-то появляется католическая община, которая административно не связана с Папой, то такая община католиками не признается как католическая.

Это различие между православными и католиками существует и сегодня. Для того, чтобы понимать это различие, конечно, необходимо знать историю, но очень важно также знать, что это различие означает для сегодняшней жизни. Мы живем не в XI или XVI веке, а в XXI столетии, и многие люди сейчас говорят: «Ну какая, собственно, разница: православный ты или католик, если ты в Бога веришь, в церковь ходишь, Христа признаешь Богом и Спасителем?». Несмотря на все различия между православными и католиками, несмотря на всю сложную и трагическую историю, в которой были и крестовые походы, и уния, и с взаимные обвинения, и полемика, Православная и Католическая Церкви остаются очень близкими друг другу. У нас практически тот же самый Символ веры, кроме одного слова, которое туда вставили католики. У нас очень близкое учение о церковных Таинствах: и православные, и католики вступают в Церковь через Таинство крещения, за которым следует Таинство миропомазания. И православные, и католики считают главным Таинством Церкви Евхаристию, то есть причащение Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина. Православные и католики признают семь Вселенских Соборов и догматы, которые были на них приняты, только у католиков после Седьмого Вселенского Собора были еще Соборы, и сейчас по их счету Вселенских Соборов, кажется, двадцать два. А у нас так и осталось их семь, потому что после VII Вселенского Собора на православном Востоке Вселенские Соборы не собирались.

Сейчас идет речь о том, чтобы созвать Всеправославный Собор, то есть чтобы православные всех Церквей приехали в какой-то один город, встретились вместе. Такого Собора тоже не было на протяжении многих веков, но даже если он соберется, мы не будем именовать его Вселенским, а назовем Всеправославным, потому что Вселенский Собор, с нашей точки зрения, возможен только тогда, когда западные и восточные христиане вновь объединятся в единую Церковь. А произойдет на нашем веку или когда будут жить наши внуки, произойдет ли это вообще в земной истории, – вопрос, на который мы ответа дать не можем.

Но вот какие процессы происходили уже в XX веке, в особенности в послевоенный период. В XX веке, после многих веков антагонизма, войн и противостояния между католиками, православными и протестантами, в разных Церквах появилось движение за церковное единство. Первоначально оно было вдохновлено идеалом возвращения к единству Церкви. Многие из тех, кто в это движение входили в конце 40-х, в 50-е годы, думали, что достаточно провести серию богословских диалогов, так сказать, сверить часы, чтоб понять, что у нас гораздо больше общего, чем того, что разделяет, и можно будет восстановить расколотое церковное единство. Появилось так называемое экуменическое движение, был создан, например, Всемирный совет церквей, который объединил более трехсот Церквей и общин, православных и протестантских; при этом католики не захотели

войти в эту организацию.

Католики со своей стороны начали делать шаги навстречу православным и протестантам. Например, одним из достижений Второго Ватиканского Собора, который прошел в 1960-е годы, было признание того, что Православные Церкви не являются с точки зрения католиков какими-то раскольничьими безблагодатными сообществами, что в них совершаются действительные Таинства, что Православные Церкви обладают благодатью Божией, но только не находятся в общении в Римским Престолом. Это был очень важный шаг навстречу Православной Церкви.

Православные тоже начали делать встречные шаги, но в Православной Церкви до сих пор нет официальной точки зрения, согласно которой Таинства Католической Церкви являются действительными. У нас нет официального заявления или документа по этому вопросу, тем не менее, практика показывает, что действительность Таинств православными и католиками признается взаимно. Чем это подтверждается? Во-первых, тем, что если человек крещен в Католической Церкви и решает принять Православие, мы его второй раз не крестим, но считаем его уже крещеным. Более того, если католический священник переходит в Православие, мы его второй раз не рукополагаем, но принимаем как священника, и он становится православным священнослужителем. Даже если Римский Папа захочет перейти в Православие, он у нас будет считаться епископом – мы не будем его заново рукополагать в епископский сан. О чем это говорит? О том, что фактически взаимное признание Таинств между православными и католиками существует. Также, если православный священник перейдет в католичество, он там останется священником, а епископ – епископом. У нас имеется взаимное признание Таинств, но нет общения в Таинствах. Это значит, что при переходе из одной Церкви в другую мы признаем совершенные в той, другой Церкви, Таинства как действительные, но при этом совместно Таинства не совершаем, то есть не крестим, не причащаемся вместе. И когда православный человек приезжает на Запад, он может прийти в католический храм, помолиться, постоять на службе, но не должен подходить к Причастию, – не потому, что мы не признаем причастие католиков, а потому что у нас нет общения в Таинствах, то есть это вопрос, скорее, церковной дисциплины.

На основании этого вы, конечно, понимаете, что Православная Церковь и Католическая Церковь являются очень близкими друг другу по всему своему вероучению, по учению о Таинствах, по церковному строю. И уже в конце XX века в результате богословского диалога между православными и католиками и на Западе, и на Востоке очень выросло и укрепилось понимание того, что мы в современном мире не соперники, а союзники, то есть православные и католики на миссионерском поле не должны действовать в ущерб друг

другу, – они должны и могут работать вместе.

Богословский диалог, который начался в 80-х годах, продолжается до сих пор. В ходе него мы обсуждаем, в том числе, и разделяющие нас вопросы – такие, например, как власть Римского епископа, прерогативы его, учение о непогрешимости и т.д. Этот диалог пока не привел ни к каким видимым результатам, правда, в ходе него со стороны католиков были сделаны дополнительные шаги навстречу православным. Например, в течение десяти лет мы с католиками обсуждали тему унии (что это такое, насколько она приемлема), и католики в 1993 году признали и подписали вместе с православными документ, в котором признается, что уния не является путем к единству, что она была исторической ошибкой. Это не предполагает, что униатские церкви надо упразднить – они существуют и будут существовать. Однако такое признание означает, что ошибки прошлого не надо повторять в будущем, то есть, иначе говоря, никаких новых уний Католическая Церковь православным в дальнейшем предлагать не должна, а путем к сближению должен быть путь богословского диалога.

А вот будет ли такое сближение, будет ли восстановление евхаристического единства – это вопрос, на который сегодня, я думаю, никто ответа вам дать не сможет. Я лично как многолетний участник православно-католического диалога на разных уровнях думаю, что при моей жизни этого воссоединения не произойдет. Слишком много накопилось разногласий – не только вероучительных, но и тех, что возникли в ходе истории, – и их будет очень трудно уврачевать. Достаточно сказать, что у нас очень разные святые. Есть люди, которые в Православной Церкви почитаются как святые, а в Католической Церкви к ним отношение отрицательное. Есть и такие, кто канонизирован католиками, а мы воспринимаем их как гонителей Православия. Например, был такой католический архиепископ Иосафат Кунцевич, который действовал в Беларуси и впоследствии плохо кончил; в памяти православных он остался именно как гонитель, а в Католической Церкви почитается как святой.

Все эти вопросы делают восстановление, скажем так, административного единства, а следовательно, и восстановление евхаристического общения между православными и католиками труднодостижимым. Тем не менее, хотел бы подчеркнуть, что сегодня существует очень твердое убеждение и в католической среде, и среди значительного числа православных верующих (не хочу сказать, что все православные верующие так считают, но очень многие), что православные и католики – союзники, а не соперники, не враги, что они могут работать вместе, могут вместе осуществлять христианскую миссию, участвовать в социальных и благотворительных проектах. При этом сохраняется разделение, которое выражается в том, что мы не можем вместе совершать Евхаристию.

Часто спрашивают: «Если муж православный, а жена – католичка, могут ли их повенчать в православном храме?». Да, могут. Согласно учению Русской Православной Церкви, если одна сторона брака состоит в Католической Церкви, а другая – в Православной, венчание может быть совершено в православном храме при условии, что дети будут воспитываться в православной вере. Надо сказать, что у католиков есть точно такое же решение в отношении Православной Церкви.

Теперь несколько слов о современном состоянии протестантизма и англиканства. Я уже сказал, что православные и католики, несмотря на все накопившиеся различия, сохраняют единство по существу веры. К сожалению, этого сейчас нельзя сказать о Православии и протестантизме, потому что протестантский мир за свою почти уже 500-летнюю историю прошел очень большую эволюцию. Как я уже сказал, протестантизм разбился на множество церквей и течений. Некоторые из этих церквей трудно вообще назвать таковыми потому, что они настолько далеко отошли от изначальной христианской Церкви, что в их учении, практике, церковной жизни мы уже не распознаем черты Церкви.

Что произошло в протестантизме после того, как Лютер и другие начали свои реформы? С нашей точки зрения, они, как говорится, вместе с водой выплеснули и ребенка, то есть, начав реформирование некоторых обрядовых, внешних сторон Церкви, они постепенно и очень быстро пришли к тому, что начали реформировать церковное учение. Например, они отказались от учения о Таинствах в том смысле, в каком оно существует до сих пор у православных и католиков. Конечно, у протестантов и сейчас существуют крещение и евхаристия, но при этом, они, например, не считают, что хлеб и вино на Евхаристии – это истинные Тело и Кровь Христа. Если вы присутствуете на протестантской или англиканской евхаристии, то в самом тексте богослужения говорится о том, что это Тело и Кровь Христа, но богословское осмысление в протестантской среде этого Таинства не предполагает веру в то, что люди могут причащаться реального Тела и реальной Крови Христа, и евхаристия воспринимается как некое символическое богослужение, которое просто напоминает о Тайной вечере, совершенной Иисусом Христом.

В последние годы в протестантской среде в Западной Европе, Скандинавии, в Америке наблюдается еще одно очень тревожное для нас явление, а именно либерализация нравственного учения, когда во многих протестантских церквах начали говорить, например, что христианское, библейское представление о браке является устаревшим, что церковь вполне может признать не только традиционный брак между мужчиной и женщиной, но также и различные «современные формы брака», например, союз между людьми одного пола. Сейчас уже есть такие протестантские общины, где вводится ритуал благословения однополых союзов, то есть некий аналог венчания, только для однополых

пар. Мы, конечно, с этим не можем согласиться, точно так же, как с этим не соглашаются и католики. Почему? Потому что мы считаем, что браком и семьей является союз между мужчиной и женщиной, который был установлен Богом. Мы считаем, что семья – это не человеческое, но Божественное установление.

Мы никоим образом не призываем к дискриминации сексуальных меньшинств. Мы не говорим, что люди, живущие в однополых партнерствах, должны каким-то образом подвергаться гонениям и преследованиям. В современном свободном мире каждый человек выбирает себе своего партнера. Но мы против того, чтобы однополые союзы приравнивались к семьям. Мы против того, чтобы однополым союзам давалось право усыновления детей, как это уже сейчас происходит в некоторых странах Запада. Мы против того, чтобы общины, именующие себя христианскими, как бы в угоду современной моде, современным секулярным тенденциям меняли христианское нравственное учение для того, чтобы его сделать более, так сказать, современным, более доступным для людей. Если в Священном Писании тот или иной образ поведения называется грехом, Церковь продолжает называть его грехом. Это не значит, что мы с неким осуждением, брезгливостью относимся к представителям таких меньшинств. Ведь и среди православных есть такие люди. Они приходят на исповедь к священникам, мы с этими людьми работаем. Но мы никогда не скажем им, мол, ваш образ жизни правильный, вас такими Господь создал, вот вы живете в однополом партнерстве, и хорошо – вы через это реализуете свой образ жизни. Нет. Мы им скажем, что гомосексуализм является грехом, что такой образ жизни Церковью не признается, что христианин призван в себе подобные влечения изживать. Каким путем ему идти к этому – уже совершенно другой вопрос, вопрос пастырский. У нас есть опыт пастырской работы с такими людьми.

В контексте рассказа о различных христианских конфессиях я должен сказать, что между православными и протестантами сегодня имеются очень существенные различия, которые не позволяют нам считать протестантов Церквами в полном смысле этого слова. Мы, конечно, говорим о протестантских церквах – либо по инерции, либо из вежливости, когда ведем с ними диалог, но считаем, что во многих из них основополагающие элементы церкви утрачены.

Это, к сожалению, мы можем сказать также и о некоторых англиканских церквах, потому что англиканский мир тоже раскололся на различные течения, на различные общины. Например, есть Епископальная церковь США, которая стоит на крайне либеральных позициях, где епископом может стать открытый практикующий гомосексуалист. С такими общинами мы прекращаем всякий диалог, потому что считаем, что не можем свидетельствовать об основополагающих нравственных ценностях совместно с той

церковью, которая эти ценности отвергает.

Все, что я вам сегодня рассказал, имеет значение не только в контексте исторического феномена, но и непосредственно относится к нашей с вами жизни, в том числе и потому, что мы живем в многоконфессиональном обществе. Очень часто в реальной жизни мы сталкиваемся с Католической Церковью, с протестантами. Да и в собственной семье можно столкнуться с этим, если, например, вы православный человек, и вам доведется влюбиться в девушку-католичку или протестантку. Кроме того, мы, конечно, с этой проблематикой сталкиваемся и когда думаем о судьбе нашего народа, о тех ценностях, на которых строится его жизнь.

Буквально несколько дней назад я был на Валдае, где состоялось заседание «Валдайского клуба». Это дискуссионный клуб, который был создан Президентом России десять лет назад, на встречи в его рамках приезжают люди из Западной Европы, представители оппозиции, и рассуждают о разных важных вопросах. Президент в своей речи перед участниками клуба сказал о важности диалога между различными религиями и конфессиями, о необходимости отстаивания уже в нашем российском контексте того, что он назвал традиционными ценностями, – прежде всего, семейных ценностей.

Сегодня на Западе либерализация, о которой я уже говорил, коснулась всего общества и многих церквей, особенно протестантских. Например, уже дошло до того, что слова «Рождество» или «Пасха» считается неправильным произносить публично – вместо этого говорят просто о сезонных праздниках, допустим, о весеннем празднике. Помню, когда я служил в Австрии, каждый год на Пасху и на Рождество получал от Президента Австрии открытку с поздравлением. И вдруг в какой-то момент стали приходить поздравления не с Рождеством или с Пасхой, а, как там было написано, с сезонным праздником. Я перестал отвечать на такие открытки, потому что счел это за оскорбление. Если в христианской стране, каковой является Австрия, Президент стесняется назвать Рождество Рождеством, а Пасху – Пасхой, то, на мой взгляд, это просто извращенное сознание. Это мне напомнило опыт нашего советского времени, когда устраивались безбожные «красные пасхи», когда всячески замалчивались христианские праздники. К сожалению, сегодня западное общество находится в таких идеологических тисках.

Некоторые протестантские церкви встали на путь подыгрывания либерализму. Это мы категорически не приемлем. Поэтому мы говорим о том, что католики являются нашими союзниками, – мы вместе с ними можем отстаивать христианские духовные и нравственные ценности. Что же касается протестантов, то здесь, конечно, картина очень разная. Наши российские протестанты – баптисты, например, пятидесятники – это, в

основном, люди, в нравственном отношении мыслящие традиционно. У них большие семьи, много детей, у них сохраняется супружеская верность. Мы с ними, конечно, дружим. А вот с западными либеральными протестантами, с которыми у нас такие серьезные расхождения, мы, к сожалению, дружить не можем. Я сказал на одной из встреч «Валдайского клуба» (и мои слова вызвали очень большую полемику), что сегодня в области нравственности нашими союзниками очень часто оказываются не западные либеральные протестанты, а, допустим, иудеи, мусульмане или буддисты, которые отстаивают те же традиционные ценности, в том числе и традиционную этику».

По завершении лекции митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы из зала.

**– Часто можно услышать осуждение католической инквизиции, в частности, применявшиеся ей пытки. Но когда начинается сравнение Католической Церкви и Православной Церкви, в Интернете и везде сразу говорят, что Православная Церковь тоже сжигала людей, тоже осуждала их на смертные приговоры. Можно ли сказать, что эти смерти были оправданы, или хотя бы объяснить эти смертные приговоры?**

– Если говорить об истории Православной Церкви и тех испытаниях, которым подверглись раскольники-старообрядцы после в XVII веке и после, то здесь надо сказать, что гонения против старообрядцев инициировались не Церковью, а гражданской властью. И сжигали раскольников не церковные, но опять же гражданские власти, а иногда раскольники сами себя сжигали. Тем не менее, вина Православной Церкви заключается в том, что этому многие сочувствовали. Думаю, в этом была историческая ошибка, но таких ошибок было в истории всех Церквей очень много. Поэтому наша задача сегодня эти ошибки изживать и преодолевать.

**– Мой вопрос – о разногласиях, которые были с католичеством по поводу того, на каком хлебе служится Евхаристия. С чем эти разногласия были связаны?**

– Это вопрос, на который нет ясного ответа. Если бы этот ответ был, то не было бы и разногласий. Дело в том, что в Евангелии говорится о том, что Христос взял хлеб. И само слово ἄρτος, которое употреблено в Евангелии, означает в переводе с греческого «квасной хлеб». Но происходило это все в контексте пасхального ужина, а на пасхальной трапезе употреблялся пресный хлеб – то, что сейчас у евреев называется мацой. Вот вопрос: что, собственно, Христос преломил в конце этой пасхальной трапезы – пресный или квасной хлеб? Мы считаем, что это был квасной хлеб, потому что, в любом случае, произошедшее было неким отступлением от традиции и собственно преломление хлеба и раздача вина были совершены после окончания пасхальной трапезы. А на Западе сложилось представление о том, что это был пресный хлеб. Вот, собственно, и все различие. Но это такое различие, из-за которого, конечно, не стоило бы раскалывать Церковь, так

же, как не стоило раскалывать Церковь из-за вопроса о том, креститься двумя пальцами или тремя. Но, к сожалению, так было в истории Церкви.

**– В фильме, который Вы продемонстрировали перед началом своего выступления, упоминалось, что в католичестве в Символ веры включено утверждение, что Святой Дух исходит от Отца и Сына. Мы знаем, что, согласно православному учению, Дух исходит только от Отца. Якобы католики подкрепляют свою точку зрения суждениями ряда отцов. Не могли бы Вы указать отцов Церкви, которые утверждают православное учение, и тех, к которым апеллируют католики?**

– Католики, прежде всего, основываются на авторитете блаженного Августина. Это самый авторитетный богослов в истории Католической Церкви. Его учение о Троице исходит из того, что в Троице существует монархия Бога Отца, то есть от Него исходит Святой Дух и от Него рождается Сын. В этом едины православные и католики. Но учение блаженного Августина предполагает возможность и того, что Бог Сын как бы соучаствует в исхождении Святого Духа. Поэтому католики говорят, что Святой Дух исходит от Отца и Сына как от единого начала, Он как бы исходит из единства Отца и Сына.

Это вопрос, ответ на который очень трудно доказать, потому что ни мы, ни они, конечно, не видели, как исходит Святой Дух, от Кого Он исходит, но у нас есть слова Самого Христа. И Христос на Тайной вечере Своим ученикам говорит: «…Приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит» (Ин. 15. 26). Таким образом, об исхождении Святого Духа от Отца говорит Сам Христос. Слова же о том, что Он пошлет Утешителя, предполагают, что Сын Божий может посылать людям Святого Духа. В православной традиции это толкуется так: предвечно Святой Дух исходит от Отца, но в человеческом сообществе Он может действовать по воле Сына. Иначе говоря, исходя от Отца, Святой Дух посылается нам Сыном, как это Христос и сказал. У католиков же есть представление, что раз Святой Дух посылается Сыном в этот мир, значит, Он и исходит от Отца и Сына. Вот, собственно, и все различие.

*Служба коммуникации ОВЦС*
*Фото ИТАР-ТАСС*

---

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52211/